

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА СМИРНОВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Условное наклонение в “простой мове” Евангелия В. Тяпинского около 1580 г.*

В статье прослеживаются этапы становления условного наклонения в “простой мове” на материале Евангелия В. Тяпинского (около 1580 г.). “Проста мова” базируется на живом языке, изменяясь вместе с ним, и, будучи связанной с живой речью, обнаруживает тенденцию к эволюции. Последнюю отражает грамматическая вариативность, в данном случае, форм условного наклонения.

Ключевые слова: “проста мова”, Евангелие В. Тяпинского, условное наклонение, грамматическая вариативность.

Цель данной статьи — проследить на материале Евангелия Василия Тяпинского, напечатанного около 1580 г. (далее ET; факсимильное издание [Evanhelije 2005]), этапы становления условного наклонения в “простой мове”.

В тексте Евангелия встречаются: а) формы “польского” типа с личными окончаниями, присоединенными к частице *бы* (14 примеров); б) формы “польского” типа с личными окончаниями, присоединенными к причастию на *-л* (15 примеров); в) формы условного наклонения с неизменяемой частицей *бы* во всех лицах (133 примера); г) “перфектное” условное наклонение, то есть формы с разложением архаичного вспомогательного глагола в аористе на частицу *бы* и форму настоящего времени глагола-связки + причастие на *-л* смыслового глагола (1 пример); д) “плюсквамперфектное” условное наклонение: неизменяемая частица *бы* + форма на *-л* глагола-связки + причастие на *-л* смыслового глагола (2 примера). “Перфектное” и “плюсквамперфектное” условное наклонение состоит из трех форм (неизменяемой частицы *бы* для всех лиц, вспомогательного глагола-связки в настоящем либо прошедшем времени соответственно и причастия на *-л*), и потому такие формы можно

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-34-01261.

обобщенно называть трехчленными, в отличие от двухчленных форм всех остальных разновидностей условного наклонения. Всего в Евангелии зафиксировано 165 форм условного наклонения.

Для лучшей ориентации в многочисленных и разнообразных “простомовных” формах условного наклонения приведем условные (специально сконструированные нами) примеры на каждую из перечисленных выше разновидностей в форме 2 л. мн. ч. глагола *видеть*: а) *бысте видели*; б) *бы виделисте*; в) *бы видели*; г) *бы есте видели*; д) *бы были видели*. В случаях омонимии форм разного типа соответствующие примеры интерпретировались нами в контексте всей совокупности форм условного наклонения ЕТ. Так, примеры 1 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. типа *быхъ видел* и *бысте видели*, которые можно понимать либо как классические (“старославянские”) формы, либо как формы “польского” типа с личными окончаниями, присоединенными к частице *бы* (см. примеры под пунктом а) интерпретировались нами во втором смысле, поскольку в 1 л. мн. ч. в ЕТ употребляются несомненные формы польского типа, тогда как классические формы условного наклонения отсутствуют вообще. Аналогичным образом формы 2 и 3 л. ед. ч. типа *бы видел* интерпретировались нами не как классические (“старославянские”) формы, а как примеры с неизменяемой частицей *бы*, поскольку в 3 л. мн. ч. именно такая неизменяемая частица регулярно употребляется в ЕТ, тогда как классические (“старославянские”) формы полностью отсутствуют.

Так описывает Е.Ф. Карский процесс утраты форм настоящего времени и формирование условного наклонения с частицей *бы* (тип в): “первая часть *быхъ* иногда отделяется от его окончания, так как живучесть этой формы уже была утрачена. После разделения форм *быхъ* на две части, на вторую, например, на *-сте*, стали смотреть, как на настоящее время глагола *есмы*, и когда начали опускать формы *есте*, *суть* и т. д., например, в прошедшем совершенном, тогда явилась возможность довольствоваться только частью *бы* для обозначения разных лиц условного” [Карский 1956, 287]. Таким образом, форма *бы*, первоначально служившая лишь для 2 и 3 л. ед. ч., постепенно стала употребляться для всех лиц.

Все описываемые глагольные формы помечены индексами — цифра обозначает количество встретившихся употреблений глагольной формы в тексте Евангелия Тяпинского, например: *вты втыла*^[4], *вты сиделислю*^[1]. При подсчете и объединении аналогичных форм орфографические различия учитывались только в тех случаях, когда они касались словоизменительных категорий слова (примеры, различающиеся, например, только корневой гласной и т. п., взаимно отождествлялись). При этом

учитывались разночтения форм, оканчивающихся паерком / ером / ерем / выносными буквами. Частица *бы* в условном наклонении при повторе формы в одном стихе может опускаться: Так' нехай' с'ветить свет'ло ваше перед' люд'ями • ижъ вты видели ваши довр'иѣ дела, и славили ѿца вашего котор'и ѣ нанѣсѣ• (Мф. 5:16), — вторая из выделенных форм будет зафиксирована подобным образом: [вты] славили.

В большинстве случаев в ЕТ используются двучленные формы условного наклонения, за исключением 3 трехчленных примеров, из которых первый представляет “перфектное”, а иные два — “плюсквамперфектное” условное наклонение: 1 л. мн. ч.: вты ѳсте ведали^[1]; 3 л. ед. ч.: вты втыль ѳтгышолъ^[1]; 3 л. мн.ч.: мишкалѣ втъ втыли^[1]. С конца XV в. трехчленные “перфектные” формы стали систематически использоваться в “простомовных” памятниках [Мова беларускай пѣсьменнасцѣ XIV–XVIII стст. 1988, 232]. Однако в ЕТ только первый пример соответствует схеме: “*бы* + глагол-связка в настоящем времени + причастие на -л” (тип г), а два других примера представляют собой специфический “простомовный” способ выражения условного наклонения: “*бы* + глагол в форме нового плюсквамперфекта” (тип д). Довольно скоро эти “плюсквамперфектные” формы пропадут из языка, им на смену придут более краткие глагольные образования.

С конца XVI в. в “простой мове” под воздействием польского языка стали использоваться формы, которые образовывались путем слияния частицы *бы* с элементами связки настоящего времени [Булыка, Жураўскі, Крамко 1979, 284]. Имеются в виду такие формы, как *быхомъ, бысь, быхмо / бысмо / быхмы / бысмы* и т. д. (тип а). Также под польским влиянием возникают формы, в которых личные окончания, возникшие из вспомогательного глагола-связки, сливаются с причастием на -л, как *виделом, виделесь, виделихмо / виделисмо / виделихмы / виделесмы* и т. д. (тип б).

Формы 1 л. ед. ч. в Евангелии Тяпинского интересны с точки зрения использования, помимо одной формы условного наклонения с неизменяемой частицей *бы* (вты поклонил'са^[1]), шести образований с элементами “польского” аориста (вты ѳдѣдичилъ^[1], втых' пр'оповѣдалъ^[1], втыхъ ѳчинилъ^[2] // втых' ѳчинилъ^[1], в'злалъ втыхъ^[1]) и одной формы на -л с польским окончанием мужского рода (вты мѣломъ^[1]) — всего 8 форм.

В 1 л. мн. ч. видим формы, образованные под польским влиянием, что способствовало в 5 случаях слиянию формы на -л с глаголом-связкой, и в 3 случаях — слиянию связки с частицей *бы* (8 форм): вты виделисмо^[1], вты в'ввош'лис'мо^[1], вты в'сполосисмо^[1], вты не з'гор'шилис'мо^[1], вты сидѣлисмо^[1], втыс'мо втыли^[1], [втыс'мы] втыли^[1], не втыли втыс'мы^[1].

Во 2 л. ед. ч. особый интерес представляют 4 формы (вгысь не ѓвтъ-лвѣл'сѧ^[1], вгысь не пот'кнѹл'^[1], вгысь чинилъ^[1], вгысь ѡчинилъ^[1]), в которых "отход от «правильной» аористной формы подтверждает свершившийся факт перерождения *бы* в частицу — с передачей функций «определение грамматического лица» вспомогательному глаголу *быти*" [Мякишев 2008, 318]. Очевидно, эти формы возникли под влиянием польского языка. Оставшиеся 4 примера являются формами с неизменяемой частицей *бы*: вгы в'вошолъ^[1], вгы в'з'ложилъ^[1], вгы далъ^[1], вгы с'поведалъ^[1].

Формы 2 л. мн. ч. в абсолютном большинстве случаев образованы по "польскому" образцу (11 форм). В 9 примерах причастия на -л сливаются с польскими окончаниями: вгы вгылисте^[3], вгы ведалисте^[2], вгы не в'вош'листе^[1], вгы не в'з'гор'жалисте^[1], вгы не вгытор'гнѹлисте^[1], вгы ховалисте^[1]. Кроме того, зафиксированы: одна форма с "перфектным" условным наклонением (вгы есте ведали^[1]) и одна форма "польского" типа с личным окончанием, присоединенным к частице *бы* (не ѓсѣжали вгысте^[1]).

Формы 3 л. обоих чисел наиболее употребительны в ЕТ. Подавляющее большинство примеров соответствуют схеме: "*бы* + причастие на -л", за исключением 2 трехчленных примеров — по одному в обоих числах — которые представляют собой соединение частицы *бы* с глаголом в форме нового плюсквамперфекта (вгы вгылъ ѓтъшолъ^[1], мешкалі вгы вгыли^[1]).

Примеры 3 л. ед. ч. (64 формы): вгы вгыла^[4], вгы вгыло^[2], вгы вгылъ^[1] // [вгы] вгылъ^[1] // втъ вгылъ^[1], вгы вгылъ ѓтъшолъ^[1], вгы ведалъ^[1], вгы в'з'ложилъ^[2], вгы в'з'могъ^[1], вгы в'залъ^[1], вгы вгыг'налъ^[1], вгы вгыдалъ^[1], вгы вгыпол'нилосѧ^[8], вгы вгыг'хнѣлъ^[1], вгы дотыкалисѧ^[1], вгы з'гнѹлъ^[2] // вгы з'г'инѣл^[1], вгы з'г'увилъ^[1] // вгы з'г'увил^[1], вгы мол'чалъ^[1], вгы насытилосѧ^[1], вгы не вгыло^[1], вгы не вгылъ^[1], вгы не ведалъ^[2], вгы не вгыдал^[1], вгы не з'велъ^[1], вгы не нашолъ^[1], вгы не с'лаалъ^[1], вгы не ѡкоротѣлъ^[1], вгы не ч'тилъ^[1], [вгы] помолилъсѧ^[1], вгы послѹговалъ^[1], вгы пост'лаалъ^[1], вгы п'риш'ла^[1], вгы п'риш'ло^[1], вгы сеѣлъ^[1], вгы станѹла^[1], вгы т'кнѹлъсѧ^[1] // вгы т'кнѹл'сѧ^[1], вгы ѡведалъ^[1], вгы ѡтер'пелъ^[1], вгы ѡтонѹлъ^[1], вгы ѡп'усьтилъ^[1], вгы ч'лалъ^[1], давалъ вгы^[1], не вгыло втъ^[2], нѣ далъ вгы^[1], се вгы не родѣлъ^[1], ч'лалъ вгы^[1].

Примеры 3 л. мн. ч. (66 форм): вгы вгыли^[5], вгы видели^[2], вгы в'ложілі^[1], вгы вгыг'анали^[1], вгы вгыг'налі^[1], вгы вгыпол'нилисѧ^[1], вгы дотык'нѹлисѧ^[1], вгы дотыкалисѧ^[1], вгы забыли^[1] // [вгы] забыли^[1], вгы з'вели^[1], [вгы] з'г'увилі^[1], [вгы] з'розѣмели^[1], вгы инѣлі^[1], вгы кѣпили^[2], вгы мол'чали^[1], [вгы] навер'нѣли^[1], вгы насытилисѧ^[1], вгы не в'зли^[1], [вгы] не з'розѣмелі^[1], вгы не мовили^[1], вгы не навер'нѹлісѧ^[1], вгы не поведали^[2], вгы не потоп'тали^[1], вгы не рек'ли^[1], вгы не стиснѹли^[1], вгы не ѡз'ч'рели^[1] // [вгы] не ѡз'ч'релі^[1],

бѣты не ѡбѣрали^[1], бѣты не ѡслабели^[1], бѣты ѡбжаловали^[2], бѣты ѡбольсѣтили^[1]
 // бѣты ѡбольсѣтілі^[1], бѣты ѡбѣдѣли^[2], бѣты поймали^[1], бѣты покаѣли^[1],
 бѣты покѣдали^[2], бѣты послѣговали^[2], бѣты просили^[1], бѣты розпѣли^[1], бѣты
 розгласили^[1], [бѣты] славили^[1], бѣты слышали^[1], бѣты сѣдели^[1], [бѣты]
 ѡздоровляли^[1], [бѣты] слышали^[1], бѣты ѡворилѣли^[1], бѣты унили^[3], бѣты шли^[1],
 мешкали бѣты были^[1], не были бѣты^[1], покаѣли бѣты сѣли^[1], ѡпѣсѣтили бѣты сѣли^[1].

В ЕТ частица *бы* гораздо чаще встречается в препозиции (155 форм, 93%), чем в постпозиции (12 форм, 7%). При этом во всем Евангелии лишь 5 раз встретилась сокращенная форма *бѣ*, во всех примерах — в постпозиции (не было бѣ^[2], не были бѣ^[1], покаѣли бѣ сѣ^[1], ѡпѣсѣтили бѣ сѣ^[1]). Подобное структурное изменение частицы *бы*, когда она сокращается в *бѣ*, происходит в позиции после гласного звука предыдущего слова [Булыка, Жураўскі, Крамко 1979, 286]. Впервые эти формы появились в середине XV в., спорадически встречались в памятниках XVI в. и в более позднее время особого распространения тоже не получили [Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. 1988, 234].

Интересно сравнить употребление условного наклонения в ЕТ, тексте конфессиональном, с текстом юридического содержания — Литовским Статутом 1588 г. (далее ЛС), также написанном на “простой мове”. В целом, употребление этих форм в ЕТ и ЛС сходно, но есть и некоторые расхождения. В ЕТ есть несколько случаев употребления форм “польского” типа, с присоединением личных окончаний к причастию на *-л* (15 примеров) и к частице *бы* (14 примеров). Первого типа форм в ЛС нет, а ко второму относятся 19 употреблений.

Формы 3 л. ед. и мн. ч. наиболее частотны в ЛС (3601 пример) и ЕТ (128 примеров). Все употребления строятся по схеме: “*бы* + причастие на *-л*”. Кроме того, в ЕТ есть два примера с формой нового плюсквамперфекта. Подобные трехчленные формы скорее являются исключением в “руськомовном” условном наклонении. В ЛС “плюсквамперфектных” форм условного наклонения не зафиксировано.

Частица *бы* не имеет в конструкции постоянного места, но в большинстве случаев и в ЛС (3470 примеров), и в ЕТ (155 примеров) она оказывается в препозиции. В ЛС частица *бы* в постпозиции оказывается в 4,5% случаев.

Сокращенная форма частицы (*бѣ*) в ЛС (8 примеров) и ЕТ (5 примеров) встречается крайне редко, что подтверждает ненормативный характер новообразования. Кроме того, все 5 фиксаций, встретившиеся в ЕТ, находятся в постпозиции.

Вспомогательный глагол-связка в формах “польского” типа условного наклонения может варьироваться. Так происходит в форме 1 л. мн. ч.:

в ЛС используется форма *быхмо* (17 примеров) / *бысмо* (2 примера), а в ЕТ — форма *бысмы* (2 примера) и есть одно употребление формы *бысмо*.

Ниже представлены восстановленные парадигмы с различными вариантами употребления условного наклонения в “простой мове”, созданные на материале ЕТ. Для унификации парадигм условно выбран глагол *прийти*; в данных таблицах отражено суммарное количество словоформ (от разных глагольных лексем), образованных по конкретной модели. В первых трех парадигмах формы 3 л. ед. и мн. ч. приведены курсивом, так как по формальным показателям они подходят для всех трех вариантов спряжения (количественный показатель достаточно велик, чтобы им пренебречь): в этих случаях употребляется неизменяемая форма *бы*, с отсутствием показателя спряжения. Именно такие формы 3 л. обоих чисел, наряду с формами всех лиц и чисел “польской” парадигмы со спрягаемым причастием на *-л*, фиксируют начало перерождения *бы* в неизменяемую частицу.

“Польская” парадигма (со спрягаемой связкой)

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
1 л.	*в ^ы хъ пришолъ — 6 форм	*в ^ы смо пришли — 3 формы
2 л.	*в ^ы сь пришолъ — 4 формы	*в ^ы стѣ пришли — 1 форма
3 л.	*в ^ы пришолъ — 63 формы	*в ^ы пришли — 65 форм

“Польская” парадигма (со спрягаемым причастием на *-л*)

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
1 л.	*в ^ы пришолемъ — 1 форма	*в ^ы пришисмо — 5 форм
2 л.	—	*в ^ы пришисктѣ — 9 форм
3 л.	*в ^ы пришолъ — 63 формы	*в ^ы пришли — 65 форм

Псевдопарадигма (с неизменяемой связкой)¹

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
1 л.	*в ^ы пришолъ — 1 форма	—
2 л.	*в ^ы пришолъ — 4 формы	—
3 л.	*в ^ы пришолъ — 63 формы	*в ^ы пришли — 65 форм

Парадигма “перфектного” и “плюсквамперфектного”
условного наклонения

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
1 л.	—	—
2 л.	—	*в ^ы ѣстѣ пришли — 1 форма
3 л.	*в ^ы в ^ы мъ пришолъ — 1 форма	*в ^ы в ^ы ли пришли — 1 форма

Как отмечает И. Климов, при образовании форм условного наклонения в ЕТ глагол-связка обычно спрягается целиком, наподобие аориста,

немного модифицированного на польский лад, но спряжение не всегда регулярно и может находиться при семантическом глаголе, что характерно для польского языка, или вовсе отсутствовать [Клімаў 2012, 134–135].

Польские тексты этого периода представляют слитные формы условного наклонения: форма на *-l* + глагол-связка. В XVI в. в среднепольском языке произошло преобразование старых форм условного наклонения: формы глагола-связки *bych, by, by, bychom, byście, bychą* под влиянием форм прошедшего времени *byłem, byłeś, był, byliśmy, byliście, byli* поменялись на новые *bym, byś, by, bychmy || byśmy || byśmy, byście, by*. Если в этом веке старые формы еще могли употребляться по усмотрению автора, то в течение первых десятилетий XVII в. они исчезли совсем [Klemensiewicz 1985, 304]. В процессе данных преобразований формы *bym, byś, by, byśmy, byście, by* утратили аористную связку и получили функцию частицы условного наклонения [Długosz-Kurczabowa, Dubisz 2013, 315–316]. Данные формы присоединялись к причастию прошедшего времени: *zrobiłbym, zrobiłabym; zrobiłbyś, zrobiłabyś; zrobiłby, zrobiłaby, zrobiłoby; zrobiłiby, zrobiłoby; zrobilibyśmy, zrobilibyśmy; zrobilibyście, zrobilibyście; zrobiliby, zrobiliby*; при этом сункционировали и более сложные формы типа *byłbym zrobił, byłabym zrobiła, byłbyś zrobił, byłabyś zrobiła* и т.д. [Długosz-Kurczabowa, Dubisz 2013, 316].

Нижеследующая таблица показывает на материале форм условного наклонения, зафиксированных в ЕТ, использование в “простой мове” языковых моделей, аналогичных польским, но их конкретная реализация различна: “проста мова” не заимствует из польского морфологические средства (например, окончания), а использует собственные (восточнославянские). Подобное заимствование грамматических моделей можно назвать грамматическими кальками. В таблице отражены два варианта “польских” моделей в “простой мове” (обе модели могут быть представлены в рамках одной формы: см. 1 л. ед. и мн. ч. и 2 л. мн. ч.): 1. форма на *-l* с личными окончаниями + неспрягаемая связка *by*; 2. спрягаемая связка *by* + форма на *-l*. Если в польских текстах этого времени связка была подвижной и могла употребляться в пост- и препозиции, то в ЕТ связка, как правило, находится в препозиции (за исключением трех примеров: *в'злаъ в'хѣтъ*^[1], *не в'гли в'с'мѣ*^[1], *не ѡс'жали в'стѣ*^[1]). Половина заимствованных форм, встретившихся ЕТ, строятся по модели польского языка (всего 14 употреблений: из них 8 форм соотносятся с формами польского языка того периода и 6 форм с аористной связкой (см. 1 л. ед. ч.), к этому времени устаревшей в польском языке), а другая половина лишь использует польские окончания, присоединяя их к форме на *-l* (всего 15 употреблений).

EKATERINA ANDREEVNA SMIRNOVA

The conditional mood in the Ruthenian language of V. Tyapinski's Gospel ca. 1580

This study traces the evolution of conditionals in the Ruthenian literary language basing on V. Tjapinski's Gospel, printed around the year of 1580 (further on TG). The Ruthenian language evolves from a living language and changes together with it. Here I dwell upon the variation of the conditional. The article represents the reconstructed paradigms with different variants of the use of conditionals in TG. A table shows the use of language models, analogous to Polish, in the Ruthenian language. The verb forms that emerged under the Polish influence are rare in TG and the most distant from the Old Russian language.

Keywords: Ruthenian language, V. Tyapinski's Gospel, conditional mood.

JEKATERINA ANDREJEVNA SMIRNOVA

Tariamoji nuosaka V. Tiapinskio apie 1580 m. rusėnų kalba spausdintoje evangelijoje

Straipsnyje aiškinamasi, kaip V. Tiapinskio apie 1580 m. rusėnų kalba spausdintoje evangelijoje (toliau — TE) funkcionuoja tariamosios nuosakos formos, siekiama išaiškinti jų raidos etapus. Turėdama šnekamąjį substratą, rusėnų rašytinė kalba buvo linkusi evoliucionuoti ir kito kartu su juo. Šią raidą rodo gramatinių (šiuo atveju — tariamosios nuosakos) formų variantiškumas. Straipsnyje pateikiamos atkurtos šiame raštų paminkle aptiktų rusėnų kalbos tariamosios nuosakos formų paradigmos, taip pat lenkų kalbos pavyzdžiu rusėnų kalboje atsiradusius kalbinius modelius rodanti lentelė. Tariamosios nuosakos formų, labiausiai nutolusių nuo senosios rusų kalbos sistemos, TE aptinkama retai.

Reikšminiai žodžiai: rusėnų kalba, V. Tiapinskio evangelija, tariamoji nuosaka, gramatinis variantiškumas.

Поступило в редакцию: 16 июля 2015 г.

Принято к печати: 29 июля 2015 г.

Екатерина Андреевна Смирнова, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела грамматики и лексикологии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Ekaterina Andreevna Smirnova, PhD (Philology), Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Department of Grammar and Lexicology.

Jekaterina Andrejevna Smirnova, humanitarinių mokslų daktarė, RMA V. Vinogradovo rusų kalbos instituto Gramatikos ir leksikologijos skyriaus mokslo darbuotoja.

E-mail: katarzina@yandex.ru

АЛФАВИТЪ

ДУХОВНЫЙ
ВЕЩАНЯ ЗОЛОТОВА

